

Лю Гуюй вернулся от Линь Синь-нян с целой «корзиной» полезных советов. Маленькая тележка для торговли у него тоже появилась, правда, он всё-таки не решился взять её бесплатно и заплатил символическую цену. Тележка хоть и была старой, но сделана на совесть: крепкая, добротная, надёжная.

Вернувшись домой, он всё рассказал родным. Услышав, что в городе могут похищать детей, Цуй Ланьфан сразу испугалась, обняла Цинь Банбань и, подумав, сказала:

— Тогда... пусть эрлан пойдёт с тобой?

Она будто забыла, что Цинь Жунши и Банбань - близнецы, родились в один день. Но в её глазах второй сын был уже взрослым: рассудительный, надёжный, именно он раньше принимал важные решения. Для неё он давно стал опорой семьи.

По правде говоря, сама Цуй Ланьфан тоже хотела пойти, но врач в городе велел ей беречься и не перенапрягаться. Домашние дела она ещё могла делать, но целый день на ярмарке - это было бы слишком тяжело для её здоровья. Едва она заикнулась об этом, как сразу три голоса одновременно её остановили.

Когда всё обсудили, Лю Гуюй снова принялся за готовку: разлил по четырём чашкам охлаждённый «бинфэнь», добавил кусочки персика, дроблёный арахис, сушёный османтус и полил сиропом. Попробовав, все признали: это даже вкуснее боцзайгао. И трудно было поверить, что приготовлено из тех самых кислых и вяжущих «призрачных булочек».

До ярмарки оставалось всё меньше времени, и они работали без передышки: сегодня - собирать фрукты в горах, завтра - рубить бамбук, потом сушить османтус и семена фикуса. Дел было столько, что некогда было передохнуть.

В один из дней, спускаясь с горы Сяолю, Лю Гуюй и Банбань встретили Чэнь Саньси. Он ловил рыбу и продавал её в деревне. К тому моменту, как они его увидели, в ведре у него остался всего один карась.

Рыбу готовить сложнее, поэтому она стоила дешевле, чем свинина или курица, и Лю Гуюй заинтересовался.

— Эй, брат Чэнь, дай-ка взглянуть на твою рыбу!

Услышав, что его зовут, Чэнь Саньси остановился с ведром в руках.

У него не было ни земли, ни хозяйства, он жил за счёт охоты и рыбалки, иногда подрабатывал у соседей в поле. Жизнь его нельзя было назвать лёгкой, но, будучи одиноким, он по крайней мере кормил только себя и кое-как справлялся.

Чэнь Саньси протянул ведро с карасём и прямо сказал:

— Почти сдох. Если возьмёшь, отдам дёшево.

Простота, хоть отбавляй. Лю Гуюй даже растерялся. Он ещё не встречал, чтобы рыбу так продавали!

Но Чэнь Саньси и правда не умел ни заговаривать зубы, ни приукрашивать - говорил как есть. Рыба действительно была еле живая: слишком долго без проточной воды, зажата в тесном ведре, казалось, ещё немного, и перевернётся брюхом вверх.

Лю Гуюй не стал привередничать. Почти сдохла - это ведь ещё не сдохла!

Он позвал Чэнь Саньси к себе домой, мол, там и расплатится. Тот не заподозрил подвоха: по виду Лю Гуюй и Цинь Банбань явно только что с гор - за фруктами ходили, какие уж там деньги с собой.

По дороге Цинь Банбань даже поделилась с ним половиной грозди дикого винограда.

Дойдя до дома, Лю Гуюй вынес деньги, выкупил карася, а затем снова вышел купить кусок тофу. В деревне была семья, которая делала тофу и разные соевые продукты - сушёный тофу, соевые листы. Местные всегда брали у них: на два вэня дешевле, чем в городе.

— Есть карась, есть тофу - сегодня сварим суп из карася с тофу и сделаем тушёный рис с картошкой, — бодро объявил Лю Гуюй.

Вернувшись, он сразу юркнул на кухню, повязал фартук. Цинь Банбань тут же подскочила помогать. Цуй Ланьфан вынесла табурет к водостоку, села у бочки с водой и начала обрабатывать собранные сегодня фрукты. Свежие плоды долго не хранятся, поэтому их нужно было, как учил Лю Гуюй, уварить в варенье - так они пролежат целый месяц, да и для боцзайгао это удобнее.

А Цинь Жунши... Он сидел у очага, варил лекарство, подбрасывал дрова и одновременно читал книгу - окончательно превратился в главного «хранителя огня» в доме.

Лю Гуюй действовал быстро: выпотрошил рыбу, удалил жабры, вычистил внутренности и несколькими ловкими движениями соскоблил чешую. В котле уже варился рис. В семье Цинь не ели его каждый день - если удавалось приготовить рис шесть-семь раз в месяц, это уже считалось роскошью.

Сегодня Лю Гуюй решил сделать картофельный рис. Круглые клубни уже были вымыты и нарезаны. Сваренный рис отцедили, переложили в плетёное сито, а под него поставили большую миску для рисового отвара.

Пока было время, Лю Гуюй разогрел масло и обжарил карася до золотистой корочки с обеих сторон, затем залил кипятком, добавил зелёный лук и имбирь, накрыл крышкой и дал покипеть, пока бульон не стал молочно-белым. После этого он добавил нежный тофу, довёл до готовности и разлил по большой миске.

— Как вкусно пахнет! — не удержалась Цинь Банбань.

Лю Гуюй гордо вскинул подбородок:

— А то! Всё, отнеси пока на стол, я ещё зелень обжарю.

Он быстро ополоснул котёл, снова разогрел масло и занялся овощами. С дикой зеленью всё было просто: сначала обжарить чеснок и зелёный лук до аромата, потом добавить зелень, перемешать, посолить, и готово.

Когда все блюда были готовы, он вернулся к рису.

Тем временем Цинь Жунши и Цинь Банбань вышли во двор, собрали высушенные османтус и семена фикуса, сложили их в небольшие бамбуковые подносы и занесли в дом - завтра досушат окончательно.

За деревней зелёные горы сливались с багровыми облаками заката. Тёплый свет окрашивал всё вокруг, словно покрывая вершины золотом.

Лю Гуюй постучал себя по пояснице, зашёл в дом, сел на низкий табурет и начал командовать:

— Так, вы двое - накрывайте: рис по чашкам, палочки сюда!

Пока никто не спешил к еде. Цинь Жунши поставил на стол четыре пустые чашки - сначала все выпили по чашке супа из карася с тофу. Суп подали в самой простой глиняной миске с отколотым краем, но это ничуть не портило впечатления. Напротив, выглядел он превосходно: густой, молочно-белый бульон, лёгкая золотистая плёнка жира на поверхности, мягкое, рассыпчатое мясо рыбы, белое как снег, нежный тофу, пропитанный вкусом, а сверху - щепотка ярко-зелёного лука.

Аромат был такой, что слюнки текли сами собой.

Все поели супа, и сразу стало тепло и уютно внутри. Только после этого принялись за картофельный рис.

— Ого... какой запах! И даже поджаристая корочка есть! — с восторгом воскликнула Цинь Банбань.

Она заглянула в котёл и стала накладывать рис. У дна образовалась золотистая, хрустящая корочка, аромат стоял такой, что можно было съесть пару чашек и без всяких добавок.

Цинь Банбань радовалась, но в глубине души подумала, как было бы хорошо есть белый рис каждый день. Однако вслух этого не сказала, знала, что дома трудно с деньгами и не хотела расстраивать мать.

Во время еды Лю Гуюй вдруг обратился к Цинь Жунши:

— Эрлан, завтра пойдёшь со мной в горы - надо срубить немного бамбука.

Работа была тяжёлая, и он не хотел снова тащить с собой Цинь Банбань, всё-таки она девочка.

Цинь Жунши, не поднимая головы, коротко ответил:

— Угу.

Бамбук нужен был для всего: маленькие стволы - под формы для боцзайгао, большие - под чашки для бинфэня, плюс ещё нужно было вырезать палочки и ложки. Работы хватало.

На следующий день, едва рассвело, Лю Гуюй и Цинь Жунши уже вышли из дома. Днём солнце пекло нещадно, поэтому Лю Гуюй решил отправиться пораньше, пока прохладнее.

Город Фушуй находился на юге, здесь жара держалась долго, и, по воспоминаниям прежнего хозяина тела, прохлада должна была прийти только через месяц.

К счастью, стояла жара, а значит, и бинфэнь, и боцзайгао будут продаваться ещё лучше.

Они поднялись на гору Сяолю и выбрали несколько хороших бамбуковых стволов. Лю Гуюй прикинул количество - ярмарка длилась пять дней, этого должно было хватить. Только вот бамбука вышло много, придётся таскать в несколько заходов. Он как раз размышлял об этом, когда со стороны Цинь Жунши вдруг послышалось тихое шипение - тот явно от боли втянул воздух.

Лю Гуюй тут же обернулся. На ладони у Цинь Жунши появилась рана длиной примерно в цунь, из которой быстро потекла кровь.

— Ай! Что случилось?!

Рана была не слишком длинной, но глубокой - кровь шла не переставая, вскоре уже вся ладонь была залита.

Цинь Жунши лишь в первый момент тихо ойкнул, а затем быстро взял себя в руки. Он даже невозмутимо закатал рукав, чтобы не испачкать одежду.

— Рукоять у топора расшаталась... соскочила, и я порезал руку, — спокойно объяснил он.

Лю Гуюй взглянул на лежащий на земле инструмент. Лезвие было железным, а рукоять - деревянной. Железо дорогое, поэтому кузнецы часто делали только самую рабочую часть из металла, а рукояти из дерева. Но их топор, видно, был старый: крепление разболталось, и сегодня рукоять просто выскочила.

Лю Гуюй занервничал, заходил туда-сюда:

— Так нельзя, кровь не останавливается...

Он на мгновение задумался, а затем неожиданно сорвал с себя налобную повязку и туго перевязал ею рану.

— Ты что делаешь?! - Цинь Жунши, обычно спокойный, вдруг растерялся, даже голос его невольно повысился.

Он невольно взглянул на Лю Гуюя и увидел на его лбу яркую красную отметину, словно точку киновари. Будто это была не родинка, а маленькое солнце - ослепляющее, обжигающее глаза.

Он резко отвёл взгляд.

— Ты что делаешь?! Ты... это...

Цинь Жунши попытался выдернуть руку, но Лю Гуюй удержал его и в два счёта перевязал рану. При этом он ещё и усмехнулся:

— Ты чего всполошился? Малец ведь, а в голове уже невесть что!

Лю Гуюй вспомнил ту ночь с вором - тогда Цинь Жунши точно так же отреагировал, увидев его без повязки. Мысль показалась ему забавной, и он решил ещё немного поддразнить:

— Чего ты боишься? Тут же никого нет, кроме тебя. Никто больше не видел. Ты же не побежишь всем рассказывать, а?

— ...Всё равно нельзя, — тихо ответил Цинь Жунши.

Лю Гуюй понимал, что в этом мире такая повязка для гэра имеет особое значение. Но сам он

не вырос здесь, поэтому, хоть и знал об этом, по-настоящему не чувствовал всей строгости этих правил.

Подурачился и хватит. Он уже серьёзнее сказал:

— Да что «нельзя»? Мы же семья. Между своими чего стесняться? У тебя рана - вот что важно! Ты ещё ребёнок, а думаешь так тяжело...

Цинь Жунши замолчал. Как это объяснить? Формально они ведь невестка и деверь... И как раз им-то и следовало держать дистанцию сильнее, чем обычным людям.

Он украдкой взглянул на Лю Гуюя. Тот тащил два бамбуковых ствола, а другой рукой прикрывал верх лица рукавом, скрывая лоб - видимо, собирался так и идти домой.

Сам Лю Гуюй не боялся, что Жунши увидит метку, но по дороге могли встретиться люди, а вот от чужих глаз стоило скрываться.

Цинь Жунши: ...

Цинь Жунши тихо вздохнул, затем снял с головы ленту и протянул её Лю Гуюю.

Он сухо сказал:

— Прикройся.

Лю Гуюй посмотрел на него. Волосы у мальчика распустились и мягко легли на плечи. Сквозь листья бамбука пробивался утренний свет, и на тёмных прядях играли пятна солнца.

У Лю Гуюя снова зачесалось подшутить. Он ухмыльнулся и ехидно сказал:

— Ого, господин туншэн, разве не говорят: «благородный человек следит за своим обликом»?

Цинь Жунши сердито взглянул на него и буркнул:

— Я не благородный человек. Я ребёнок.